

К проблематике исторического изучения оригинальных и переводных сочинений калмыцких буддийских священнослужителей

On the Problematics of Historical Studies of Original and Translated Compositions of Kalmyk Buddhist Priests

Д. Н. Музраева (D. N. Muzrayeva)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: deliash@mail.ru
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: deliash@mail.ru.

Аннотация. Автор статьи обращается к проблемам истории создания сочинений на буддийскую тематику в среде ойратов, получивших письменность благодаря деятельности Зая-пандиты Намкай Джамцо. Статья воспроизводит сведения о сочинениях самого Зая-пандиты на ойратском языке, а также его последователей до начала XX в. (Д. Сетенов). Представленная работа содержит также краткий историографический обзор в области изучения ойратских письменных оригинальных и переводных текстов.

Ключевые слова: буддизм, священнослужители, переводы, канонические тексты, историография, «ясное письмо», рукописи, ксилографы.

Abstracts. The article examines the problematic aspects in the history of creation of Buddhist compositions among the Oirats that received their script system due to the activities of Zaya paṇḍita nam-mkha' rgya-mtsho. The article provides data on Zaya paṇḍita's Oirat compositions as well as those written by his followers up to the early 20th century (D. Setenov). The presented work also contains a short historiographic review in the field of studies of original Oirat and translated texts.

Keywords: Buddhism, priests, translations, canonical texts, historiography, "Clear Script", manuscripts, woodblock prints.

В представленной статье затронут ряд вопросов изучения письменных памятников, авторами (создателями) которых являются калмыцкие буддийских священнослужители. В ней хотелось сказать несколько слов об изучении языка памятников и самих письменных переводных и оригинальных памятников в историческом ракурсе. Изучение таких текстов в плане историческом (люди, эпохи, личности, история языка(ов)) позволит составить представление о том, как трансформировался «тодо бичиг» и само отношение к работе по переводу, отношение к буддизму в советскую эпоху, как изучали эти памятники в дореволюционной России и в послереволюционной, в советскую эпоху и в постперестроечную и т. д. В настоящее время, — когда мы наблюдаем стирание граней между исследователями-буддологами и практикующими буддистами, такой разброс в направлениях, школах буддизма и интерес к ним, при этом у каждого из них свои адепты, последователи, популяризаторы, — наверное, можно проследить и то, на какие тексты они опираются, что общего, а что разнится, что черпают из общеканонических основополагающих текстов, а что видоизменяется и со временем разрастается у каждого направления в свое собственное. Все эти вопросы можно изучать под разными углами зрения с опорой на подобные тексты.

В данной работе мы обращаем внимание лишь на ту часть корпуса ойратских письменных источников, содержание которых составляет буддийская тематика.

Зарождение и становление ойратской литературы уходит своими корнями в середину XVII в. Если судить о процессе развития ойратской литературы на самых ранних этапах ее сложения, то оно оказывается неразрывно связанным с деятельностью Зая-пандиты Намкай Дзамцо (1599–1662). Так считает большинство ученых-монголоведов и ойратоведов [Поппе 1966; Бадмаев 1968б; Павлов 1970]. Именно с середины XVII в. ойратская литература выделилась из состава общемонгольской литературы, образовав ее самостоятельную ветвь, и вплоть до начала XX в. продолжала по своему составу развиваться в русле общемонгольской письменной словесности [Михайлов 1977; Сазыкин 1988], в которой, однако, доминирующее положение занимала конфессионально ориентированная литература.

Как мы уже сказали, сведения о биографии ойратского Зая-пандиты, а также о его просветительской и переводческой деятельности мы можем почерпнуть из его биографии, составленной в конце XVII – начале XVIII в. одним из его ближайших учеников Раднабхадрой [Biography... 1967; Бадмаев 1968а; Норбо 1999; Раднабхадра 1999; Хүрэлбаатар 1995: 52–54].

О неослабном интересе к письменному наследию ойратов свидетельствуют и ранние, и современные публикации переводов ойратских текстов. Это научное направление связано с именами таких классиков отечественной монголистики и тибетологии, как И. Я. Шмидт, К. Ф. Голстунский, О. М. Ковалевский, А. В. Попов, А. М. Позднеев и др.

А. М. Позднеев выступал редактором изданий текстов на ойратском «ясном письме» и некоторых их переводов. Хорошо известно о сотрудничестве ученого с калмыцкими и бурятскими ламами, результатом которых явились публикации таких изданий, как «Калмыцкие сказки», ойратский текст «Прибежища» Д. Сетенова, ряд учебных изданий по буддизму [Сетенов 1914; Шастина 2003].

Особо следует сказать о научных мероприятиях, посвященных юбилеям «ясного письма» и его создателя [Kalmyk-Oirat Simposium 1966; 320 лет... 1970; Научный симпозиум 1999]. К юбилейным датам был приурочен сборник «Некоторые вопросы ойратоведения», в котором была представлена статья Б. Ринчена о культурно-историческом значении создания «ясного письма» [Ринчен 1999].

Таким образом, резюмируя сказанное, можно заключить, что история переводов классических буддийских сочинений (канонических и неканонических, расширяющих объем наших знаний о собственно литературной практике) в период, непосредственно предшествующий созданию Зая-пандитой «ясного письма» и после создания «ясного письма» самим Зая-пандитой и его учениками, выглядит необычайно интересной и насыщенной яркими событиями, связанными с созданиями ойратских версий переводов известных памятников и их историей в среде ойратов и калмыков. Здесь сделано очень многое в плане характеристики биографии самого Зая-пандиты, определения состава знакомых ему и переведенных им сочинений, установления их тибетских оригиналов, что откры-

вает нам выход к более ранней литературной истории этих произведений до их прихода в Тибет, а для некоторых — и вхождения в буддийский канон. Историография вопроса наглядно демонстрирует значительный вклад отечественных исследователей в мировое ойратоведение, одновременно с этим надо признать, что немало сделано в этой области исследований учеными Монголии и других стран. Вместе с тем в этой области остается еще множество нерешенных проблем, создающих большой простор для исследования в XXI в.

Как можно судить, собрание переводов Зая-пандиты уже в момент его создания было структурировано по объектам описания и основным темам сочинений, которые использовались в тех практиках, которые требовали подобных текстов, по отдельным группам. Об этом в биографии Зая-пандиты с его собственных слов говорится так: «Осенью того [1661 г.] Сэнгэ и Цэван-Джялмо отправили посланца с лошадей и хадаком просить [Зая-пандиту] перевести жизнеописание Падма-Самбхавы, на что [Зая-пандита]-хутухта сказал:

— Если желаете узнать, какие деяния [для учения Будды] приемлемы, а какие неприемлемы, то я перевел „Боди мор“, „Пачой“ и много других сочинений о том, что приемлемо, что неприемлемо.

Если желаете знать жития святых, то я перевел „Биографию Будды“, „Бучой“, „Биографию Маларайбы“ и множество других [жизнеописаний].

Если желаете знать об обряде созерцания, то я перевел „Гунрик“, „Цэдбак“, „Нигуца хурангуй“, „Ямандака“, „Дорбэн догшит“ и множество других больших и малых описаний способов созерцания.

Если желаете узнать, как в нынешней калпе явился Будда и проповедовал святое учение, [а также узнать] хронологию ханов, то я перевел „Номун гарулга“, „Чихула хэрэгту“, „Угийн санг“ и многое другое.

Если желаете читать переводы поучений Будды, то я перевел „Найман минган шилугту“, „Алтан гэрэл“, „Тарпа чэнпо“, „Панчаракша“ и множество других больших и малых книг с поучениями [Будды]» [Раднабхадра 1999: 80; Норбо 1999: 86].

Названные здесь сочинения, по тексту биографии, могли быть сгруппированы по тематике самим Зая-пандитой. Перечень его

переводов не имеет рубрики, но, как кажется, эта рубрикация может быть восстановлена по группам текстов, причем указания на ее существование или возможность ее существования извлекаются из текста биографии Раднабхадры. Перед списком переводов Зая-пандиты указаны основные жанры переведенных текстов — «Сутры, тантры, поучения, шастры» [Раднабхадра 1999: 61; Норбо 1999: 53].

Из рассматриваемой биографии Зая-пандиты явствует, что переведенные им сочинения, похоже, все наличествующие на момент сообщений единым собранием, были переписаны по повелению Сэнгэ в 1653 г. и Алдаром-Тайжди в 1654 г. [Раднабхадра 1999: 73; Норбо 1999: 74–75]. Самое же собрание переводов, согласно изданию с комментариями А. Г. Сазыкина, оформлялось в период от года барса до года барса — в 1638–1662 гг. [Раднабхадра 1999: 61–62], хотя эта датировка имеет альтернативы [Раднабхадра 1999: 112–113; Норбо 1999: 53]. В эти хронологические указания укладывается и период 1650–1662 г., а также период с 1638 г. по 1650 г.

Идентификация сочинений, которые переводились Зая-пандитой и его последователями, сопряжена со значительными трудностями. К их числу относится неустойчивость заголовков сочинений, именование сочинений не по заголовку, а по приметным фрагментам текстов, по первой строке или последней строке, по именам божеств, упоминаемых в тексте или божеств, которым посвящаются сочинения. Известные сложности такого плана встречаются даже при сравнении списка переводов Зая-пандиты, приведенного Раднабхадрой.

Объектами изучения при анализе переводческого наследия Зая-пандиты становятся разные группы текстов.

Во-первых, ойратские версии буддийских памятников, где необходимо выявлять копии-списки переводов Зая-пандиты и переводы, принадлежащие другим переводчикам.

Во-вторых, тибетские версии текстов, переведенных Зая-пандитой, которые необходимы нам с целью определения непосредственных оригиналов ойратских версий буддийских памятников, созданных Зая-пандитой.

При изучении корпуса буддийских письменных памятников, имевших распространение у калмыков, нам представляется необхо-

димым учитывать и то, что калмыцкие гелюнги могли приобретать и хранить буддийские сочинения на монгольском языке и пользоваться ими, например, при составлении собственных оригинальных сочинений.

Если в отношении последней трети XVII в. можно утверждать, что собрание образцов буддийской книжности у ойратов составляли сочинения, переведенные Зая-пандитой и его учениками, и, вероятно, какое-то количество книг на тибетском языке, которые имели в своем распоряжении ойратские буддийские священнослужители, то на протяжении двух последующих столетий ойратские монастыри и хурулы аккумулировали у себя значительное число буддийских рукописей и ксилографов, созданных в различных буддийских центрах (монастыри Бурятии, Монголии, Тибета) и содержащих сочинения на разных языках — тибетском, монгольском, ойратском. Полигlossия ойратской буддийской литературы и ее читателей и пользователей, — даже если они и принадлежали почти исключительно к ойратской церковной иерархии, — существенно отличает образовательный и культурный потенциал калмыцкого буддизма и буддийской культуры от аналогичной ситуации в Монголии и, тем более, в Тибете, в котором внутренняя диглоссия не была связана с многоязычием, иницируемом, с одной стороны, конфессиональной и культурной средой, с другой — социальной средой.

Специфика корпуса традиционной буддийской книжности у ойратов и калмыков, пополнявшейся оригинальными сочинениями, определяется рядом внешних факторов. Первый из них — это относительная изолированность, удаленность мест расселения калмыков в XVII в. от конфессионально-культурных центров, во многом определявших единство других монголоязычных народов, близких к Тибету. Второй фактор — неполнота сохранности книжного наследия ойратов, в особенности в среде калмыков, где в XVIII–XIX вв. в силу своего рода экстерриториальности калмыков в пределах России местом концентрации письменной и книжной культуры оказались буддийские центры, и по этой причине даже светская, например, историческая литература оказалась как бы отстраненной от общественного книжного достояния, письменность «тодо бичиг» использовалась вне буддийской церковной сферы в основном как деловая. Третий фактор — ойратские рукописи по-

падали в академические коллекции по большей части не из регионов расселения калмыков в Европейской части России, а из районов традиционного проживания ойратов, из Монголии и сопредельных территорий.

По причине дифференциации форм письменности и сосредоточения книжности в буддийской церковно-монастырской сфере состав сочинений, имевших распространение у калмыков, с одной стороны, оказывался традиционным и сводился к собранию канонических сочинений, с другой стороны, уже относительно поздно, на рубеже XIX–XX вв. он стал пополняться оригинальными сочинениями калмыцких лам. Даже история тех сочинений, которые составляют фундамент калмыцкой дореволюционной литературы [Бадмаев 1981] описана в научной литературе не вполне отчетливо, тексты этих памятников изучаются по доступным изданиям без обобщений археографического характера.

В текстологическом отношении буддийское книжное наследие, сохранявшееся у калмыков, недостаточно изучено. Даже известные сочинения лишь относительно недавно благодаря наличию каталогов могут быть сгруппированы по выявленным спискам, текстологический анализ их вырисовывается на горизонте как задача отдаленного будущего. Более или менее ясен состав ксилографов, попадавших к калмыкам и сохранившихся в их среде.

Основным источником для изучения дошедшего до нас корпуса ойратских рукописных и старопечатных текстов буддийского содержания являются библиотеки и архивы, и прежде всего — каталоги этих архивов. Объемное собрание буддийских текстов хранится в архиве КалмНЦ РАН, а также в Институте восточных рукописей РАН и в Научной библиотеке Восточного факультета СПбГУ, ойратские рукописи имеются также в других собраниях России и за рубежом.

Каждое собрание, где имеются ойратские буддийские книги, имеет свою историю, документированную собирателями и отраженную в истории учреждения, где хранится то или иное собрание. Собрание КалмНЦ РАН, хранящее те рукописные памятники, которые пережили вместе с их владельцами все социальные и культурные потрясения XX в., объединяет коллекции гелюнгов, некоторые персональные коллекции хранятся в отдельных районах Калмыкии.

Книги и ксилографы из собрания Институт восточных рукописей и СПбГУ отражают интересы ученых-монголоведов, пополнявших книжные собрания и изучавших монголоязычные письменные памятники, а также маршруты экспедиций путешественников по Монголии и Центральной Азии.

К большому сожалению, у нас очень мало свидетельств наблюдения над непосредственным бытованием книг среди ойратов и калмыков. На этом фоне весьма важно и интересно свидетельство Яна Потоцкого, который видел, как жена принимавшего его хозяина-калмыка, читала книгу на «тодо бичиг». Бесценны свидетельства распространения грамотности и бытования книжности у астраханских калмыков, представленные в трудах Н. Очирова [Избранные труды... 2002: 52, 55–65]. Но такие сведения, к сожалению, единичны.

Ценными источниками из области книжности в целом и из области истории отдельных текстов и отдельных рукописей являются колофоны, указывающие на дату создания и владельца, и писца рукописи, однако и они встречаются в ограниченном числе изучаемых документов.

Дальнейшее исследование всего корпуса памятников, сохранившихся в Калмыкии вплоть до начала XXI в., будет способствовать пониманию роли и места буддизма в литературе и культуре монгольских народов и в диалоге культур монголоязычных народов с их соседями.

Литература

Бадмаев А. В. Зая-пандита (списки калмыцкой рукописи «Биографии Зая-пандиты»). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968а. 75 с.

Бадмаев А. В. Роль Зая-пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968б. 28 с.

Бадмаев А. В. Калмыцкая литература XVIII века // История калмыцкой литературы: в 2 тт. Т. 1. Дооктябрьский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 227–245.

Избранные труды Номто Очирова (Научное издание). Элиста: АПП «Джангар», 2002. 152 с. (Серия «Номин зөөр» («Научное наследие»).

История и культура монгольских народов: источники и традиции: материалы Междунар. симпозиума, посв. 400-летию со дня рождения Зая-пандиты. г. Элиста, 14–16 сент. 1999 г. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 1999. 132 с.

Михайлов Г. И. Ойрдын утга зохиолын тухай // Монголын уран зохиолын тойм. II. Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1977. X. 180–201.

Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьменного монгольского Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова; науч. ред. В. П. Санчиров. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Павлов Д. А. Зая-пандита — создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста: Респ. типогр. управления по печати при СМ КАССР, 1970. С. 40–79.

Поппе Н. Н. Роль Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов. Стенограмма доклада, читанного в Филадельфии 27-го декабря 1958 г. // Kalmyk-Oirat Symposium. Philadelphia: The Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966. P. 57–72.

Раднабхадра. Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи. Перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина. Транслитерация текста, предисловие, комментарий, указатели и примечания А. Г. Сазыкина. Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия. Т. VII. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.

Ринчен Б. Тод монгол бичиг, түүний соёлын ач холбогдол // Тод үсэг судлалын зарим асуудал. Улаанбаатар: ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 1999. С. 291–295.

Руководство к познанию ламайского вероучения. С тибетского на калмыцкий язык перевел Дордже Сетенов, старший бакша хурулов Больше-Дербетовскаго улуса ставропольских калмыков. Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. 111 с.

Сазыкин А. Г. Монгольская литература [XVIII в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 5. 1988. С. 635–641. (<http://www.feb-web.ru/feb/ivl/v15/v15-6352.htm>).

320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста: Респ. типогр. управления по печати при СМ КАССР, 1970. 234 с.

Хурэлбаатар Л. Монгол орчуулгын товчоон (Сонгодог орчуулгын зарчим, уран чадварын асуудалд). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1995. 159 х.

Шастина Н. П. А. М. Позднеев (Подготовка к печати, примечания А. Г. Сазыкина) // Mongolica–VI. СПб., 2003. С. 7–18.

Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (*Rabjamba Čay-a bandida-yin tuuji saran-u gerel kemkii ene metü bolai*). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen / (Предисловие, транслитерация, издание текста Ж. Цолоо) // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл. 1967. 101 с.

Kalmyk-Oirat Symposium [Калмыцко-ойратский сборник]. Philadelphia: The Society for the Promotion of Kalmyk Culture [О-во ревнителй калмыцкой культуры], 1966. 225 p.